

Дмитрий Федосеев

Ледяной плен

18+

Дмитрий Александрович Федосеев

Ледяной плен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68283011

SelfPub; 2022

Аннотация

Безысходность и отчаяние в ледяном плену захватывают город без надежды с каждой упавшей на его улицы снежинкой. Слившиеся в ледяной кошмар дни забирают всё новые жизни. А изредка снующие люди, что уже выложились на всю и механически дотягивают свою ношу до исчерпания последних сил, на грани гибели перестают быть таковыми.

Дмитрий Федосеев

Ледяной плен

Ревущие стальные чудовища, несущие смерть с небес, наконец скрылись, растворившись во тьме, но так и не принесли городу, который покинула надежда, долгожданной тишины. Ритмичные звуки, вырывающиеся из нескольких работающих репродукторов и заполняющие опустелые улицы, лишь замедлились, погружая окрестности в бесконечный ледяной кошмар:

– Тик-так... тик-так...

На округу опустился гнетущий мрак, за исключением нескольких прожекторов, лучи которых плутали по небосводу, резко выделяясь в ночи.

Я отстранилась от окна, и вернула на место плотную ткань, которая заменяла висевшие некогда лёгкие занавески. Хорошенько её поправила, чтобы натопленные за день толики тепла оставались в комнате как можно дольше. Привычно хромая, тихонечко подошла к махонькой кроватке, в которой едва слышно сопела чумазая Лиза. Словно первый разлюбивший взгляд пробежался по её крохотному телу, закутанному в добрый десяток тряпок. И словно в первый раздушю обожгла грусть вперемешку с совестью, когда он остановился на спящих не выводимых вшах. Понимая, то это бессмысленно, я смахнула нескольких в сторону и получше за-

кутала девочку. Вздохнув, тяжело опустилась на рядом стоящий стул.

Глаза, словно примагниченные, снова уставились на табурет, на котором одиноко лежал небольшой кусочек хлебушка, завернутый в старую газету. Не удержавшись от соблазна, я дрожащими руками открыла свёрток. На свет показалась чёрно-бурая крауха, из которой выглядывали опилки и прочие примеси, придающие ей горький привкус. Но, несмотря на это, я бы с удовольствием скушала сейчас целую буханку. Однако, вместо неё был лишь небольшой ломоть, грамм тридцать-сорок. Завтрак для Лизы.

Взяв самую маленькую крошечку, я завернула кусочек обратно в газету. Затем аккуратно положила грубый комочек себе в рот, но не торопясь его жевать, только посасывать. Пытаясь отстраниться от мыслей о еде, я в который раз оглядела нашу комнату. Напротив меня стояла вся в копоти буржуйка, которую мы с Лизой изредка баловали несколькими найденными деревяшками, ставшими по всему городу практически такими же ценными как хлеб. Единственное окно комнаты было хорошо законопачено всевозможными тряпками, которые со внутренней стороны удерживало одеяло, кое-как прибитое к стенам. На самих голых стенах оставались разводы обоев, которые некогда там висели...

Глаза всё больше наливались свинцом, замученное тело опускалось на краешек кровати.

– Говорит штаб местной противовоздушной обороны го-

рода: воздушная тревога, воздушная тревога!

Вместе с заявлением иллюзию тишины вмиг разбил вой сирен, за которым едва слышались учатившиеся удары метронома. Вновь началась гулкая канонада зениток. Неподальёку отчётливо слышался свист падающих бомб.

Я лениво открыла глаза. К авианалётам и постоянным обстрелам мы с Лизой уже привыкли. Больше месяца не ходили в бомбоубежище – с тех пор, как туда, пробив добротный слой бетона, угодил мощный снаряд, погребя за раз большую часть жителей окрестностей. А до соседнего было больше пятисот метров – расстояние, казалось бы, небольшое, но для измождённых голодом и холодом людей оно превращалось в тяжкое испытание.

Неожиданно среди всей этой мешанины тягостных звуков и мыслей меня зацепило нечто едва уловимое. Беспокойство нарастало, и я никак не могла понять его причину. Обернувшись на Лизу, которая продолжала мирно спать, я снова подошла к окну, которое за те несколько минут успело покрыться узором. Рукав парой движений снял пелену мороза, и мой взгляд устремился во тьму...

Рева и плюясь копотью, прямо на меня неслась объятая пламенем крылатая машина. Меня буквально парализовал ужас неминуемой гибели. Но тут же, вспомнив про Лизу, я усилием воли сбросила оцепенение и, рванув девочку с кровати, всё так же хромая, побежала к выходу так быстро, как никогда в жизни. Чудовищный рокот становился всё гром-

че и вскоре заполнил весь разум. Я молилась, чтобы успеть сделать ещё хоть шаг, чтобы оказаться от этого хоть ещё на один метр дальше.

Оглушительный грохот больно ударил по ушам, всего на часть секунды он стал просто невыносимым, но за ним тут же последовала тишина. Всё здание тут же задрожало, и я, не удержавшись на ногах, больно упала на ледяной пол боком. Сверху посыпались осколки. Мы с Лизой свернулись, в отчаянной надежде уцелеть.

Через несколько мгновений всё было кончено. Решившись, я открыла глаза и с радостью отметила, что нас не завалило полностью. Хотя пришлось немало повозиться и приложить достаточно усилий, чтобы выбраться. Всё ещё лежа в сугробе, принялась осматривать сначала Лизу, а потом и себя. Девочка на вид была цела, за исключением нескольких царапин на лице, толстого слоя пыли и слишком тихого поведения, которое я списала на недоедание. Мне повезло меньше: голова гудела, и когда я упала или позже что-то хорошенько приложило меня по бывшей здоровой ноге.

Расстояние меньше чем в сто метров мы с Лизой преодолели с огромным трудом. Последнюю часть пути я практически ползла, корчась от боли. И всё же, мы добрались.

Отдышавшись, я поднялась, взяла девочку на руки и постучала. Дверь оказалась открытой.

– Нина Михайловна? – опираясь свободной рукой, я кое-

как вошла и прикрыла дверь, Нина Мих...

Слова застряли в горле, когда я обернулась. Подруга моей матери сидела перед остывшей печкой и, на первый взгляд, просто спала. Если бы не открытые остекленевшие глаза, безжизненно уставившиеся на портрет покойного мужа.

Всё живое во мне, что ещё осталось, говорило о том, что я должна заплакать. Но слёз не было. Уже несколько месяцев город бомбили, обстреливали и морили голодом. Люди, идущие по улицам, все чаще садились, чтобы передохнуть, даже если их путь насчитывал жалких пятьдесят метров. И с каждым холодным днём всё больше из них просто вставали. В больших количествах они умирали повсюду: в своих домах, подъездах, на широких улицах, перед каналом и даже в очередях за хлебом. Гибли так тихо и неожиданно, будто просто засыпали. А окружающие, сами живущие на волоске от смерти, слабеющие люди не обращали на них никакого внимания. Все мы скоро умрём – конец всем ясен, к чему эмоции?

Положив Лизу на кровать и отодвинув от печи тело, я с горем пополам растопила печурку последней газеткой. В руках Нины Михайловны ещё была книга, но я не решилась бесчеловечно обойтись с трудами её мужа.

Поставленная на буржуйку вода, найденная в комнате в небольшом количестве, быстро нагрелась. И когда мы напились, я небольшой тряпочкой принялась обмывать девочку от пыли и грязи. А потом и себя.

Только после этого, примостившись рядом с Лизой, я позволила себе расслабиться. Все мысли, даже самые тяжёлые и страшные медленно уходили, оставляя после себя неприятные чувства, которые будут преследовать часть сознания до утра.

И только ритмичные звуки метронома, казалось, останутся со мной навсегда:

– Тик-так... тик-так...

На следующее утро я едва смогла встать с кровати: настолько остро болела распухшая нога и настолько мало у меня было сил. Я понимала, что пора было идти становиться в очередь за жалкими крохами хлеба, что поддерживали наши жалкое существование, но понимала и то, что не смогу пройти и половины пути. А Лиза... Она ещё слишком мала.

К счастью, у старушки нашёлся брусочек столярного клея. Хорошо вываривая его маленькими порциями, я кормила получившимся киселём осунувшуюся девочку. Я осознавала, что на двоих этого надолго не хватит, и сама почти не ела, варя себе обои, а иногда пожёвывая их так.

Моё тело с каждым днём всё больше наливалась свинцом. Мысли уходили куда-то далеко. Я всё чаще садилась у окна, вспоминая весенние беззаботные деньки, когда улицы, расположенные подо мой, были полны весёлых и счастливых людей, а не заметенными сугробами трупами, когда их звонко рассекали чудные трамваи, а не сковывала полностью

льдом и снегом суровая зима, когда самым серьёзным вопросом было: «буду ли я достойна сделать этот мир лучше?», а не «доживу ли я завтра?» В прежней каморке тоже возникали такие мысли, но они замыливались настоящим, всё, что было хорошее, казалось каким-то далёким и странным сном.

В один из таких вечеров разыгралась страшная метель, которая почти заглушала удары метронома. Лиза, доев последнюю порцию клея, тихо спала. Я понимала, что завтра придётся идти за хлебом и пыталась поспать. Нога за прошедшие дни практически не прошла и всё ещё сильно болела, но иного выхода не было.

Разум от недостатка еды помутнел, я находилась в каком-то бесконечном сне, в котором не было эмоций, словно я наблюдала за собой со стороны, пытаюсь сделать так, чтобы хотя бы Лиза выжила.

Сквозь крайние вялый поток мыслей глубокой ночью в мою голову стал просачиваться какой-то звон, будто кто-то очень мягко стучал по сосулькам. Отдельные звуки складывались, сочетались друг с другом и превращаясь в нечто больше. Я долго вслушивалась, пытаюсь понять их, пока, наконец, они не слились в единую картину:

– Останься здесь... Перестань бороться... Мы будем добры к тебе...

Внезапно в памяти стали воскресать настолько жуткие и давно забытые воспоминания, что казалось, что они не были

моими. Но где-то в глубине души я осознавала, что это не так.

Сверху к ним стали прибавляться какие-то совершенно безумные сцены. От голода желудок сводило с чудовищной силой. В приступе я, кажется, даже схватила одеяло и стала жевать его, словно это был вкуснейший пирог, глотая неприятные комочки. Однако зубы на нём почему-то не скрипели, впиваясь мягко.

За окном же стали отчётливо вырисовываться силуэты. Только не тёмные, которые были присущи живым людям, ходящие в своём большинстве в ватниках и телогрейках, а белые, словно двигались сами сугробы. Они становились всё больше и приобретали человеческие черты и даже выражения лиц. Только страх перед ними не уменьшался из-за этого, а, наоборот, становился крепче.

От силуэтов буквально веяло запредельным ужасом.

Наконец, очнувшись, я долго приходила в себя. Пока с тяжёлой тревогой не заметила, что комочек в моих руках больше не двигается. И даже не дышит.

– Лиза! Лизонька!

Я принялась ощупывать её тело, словно пытаюсь найти неисправность механизма и устранить её. Не обращая внимания на боль, вскочила на ноги и принялась разворачивать свёрток с ребёнком, с бегущими по коже мурашками.

Но девочка, оказавшаяся на холоде без одежды, тут же зашевелилась и, хоть вяло, но закричала. Я, глубоко выдохну-

ла воздух от облегчения, и принялась закутывать её обратно. Метель на улице поуспокоилась, хотя снег всё ещё шёл. Небо только-только начало светлеть, я и если бы не снег, то стояла непроглядная тьма. А репродукторы всё так же делали своё отвратительное дело, медленно сводя с ума:

– Тик-так... тик-так...

И снова бесконечная улица, занесённая снегом, которая будто не хотела никого никуда пускать. Постоянно повторяющиеся надписи, висящие на побитых стенах «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» только нагнетатели и так жуть и безысходность. Повсюду виднелись сугробы, из некоторых отчётливо виднелись ватники, шапки, сумки и кастрюли. Изредка даже проглядывали части тел и лиц. Весь город был усеян трупами, которые лежали под ногами пытающихся выжить, но на самом деле только ждавших своей неминуемой участи людей. Я пыталась думать только о дороге, словно не видя этих заставляющих стыннуть в жилах кровь картин. От мимолетных мыслей об этих людях у меня всё равно перехватывало горло, и я успокаивала себя тем, что уже ничем не могу им помочь.

Когда подошла к площади и окинула её долгим взглядом, переводя дыхание, опешила. Снег на ней не падал равномерно, укрывая мягким ковром всё пространство, а точно бы притягивался в несколько комьев. Холодные звёздочки быстро слипались, создавая белые фигуры. Понемногу, словно издали, зазвучал знакомый звон.

На площадь безразлично вышел усохший старик, намереваясь первым встать в очередь за хлебом. Я хотела предупредить его об опасности, но, неожиданно, слова застряли в горле. Тогда замахала ему свободной рукой, чтобы он заметил меня, но снова тщетно.

Внезапно, словно по сигналу, ледяные чудовища сорвались с места и устремились к пожилому мужчине. Послышался свист, а потом резкий хлопок. Снег с огромной скоростью метнулся ввысь, а когда стал рассеиваться и осыпаться, показалось на глаза то, что осталось от бедного старика. У меня начались рвотные позывы, но наружу так ничего не вышло. Корчась в судорогах, я краем глаза заметила, как снег снова стал собираться в Снежные силуэты. И отчётливо поняла, что они знали, что я рядом.

Уже находясь в каком-то закутке, я пыталась вспомнить, как покинула площадь, но никак не могла. В голове всё перемешалось. Оставался только безграничный и всепоглощающий ужас. От бессилия и обреченности горло сдавило, защищало в носу.

Постепенно мир снова стал отходить куда-то далеко, холод и голод брали верх над разумом. В голове оставался лишь тягучий шум метронома:

– Тик-так... тик-так...

Как и лёгкий перезвон льда и снега, сочетающегося в слова:

– Останься здесь... Перестань бороться... Мы – твои братья.

Яркое голубое небо так и манило прогулять занятия. Озорное солнце весело игралось со снегом и льдом своими лучами. Я вышла на гладь озера и со смехом, представляя себя балериной на коньках, что выступали в таких прекрасных нарядах, с силой оттолкнулась, заскользив на ботинках.

– А ты уверена, что он не треснет? – опасливо спросила одноклассница, недоверчиво поглядывая на гладь озера.

– Ну ты и трусишка! – ответила я, снова оттолкнувшись и прямо на ходу скривив презрительную мордашку:

– Трусишка зайка серенький!

Девочка сделала вид, что обиделась и осторожно ступила на лёд. Через десять минут мы звонко смеялись, рассекая замёрзшую гладь озера и, конечно, иногда неуклюже бухаясь на пятую точку, что вызывало новые приступы веселья.

Неожиданно лёд под нами звонко хрустнул. Мы испуганно переглянулись и, запаниковав, метнулись к берегу. Из-за резких движений озеро стало ломаться, и моя одноклассница словно гирия моментально ушла под воду, лишь одной рукой успев зацепиться за мою ногу. Ею я тут же оказалась в ледяной воде по пояс. Тонущая девочка стала тянуть меня за собой на дно, гладь подо мной стало быстро трескаться...

Не осознавая, что творю, я принялась лягать второй ногой, пытаюсь освободиться. Вся трагедия не заняла и

нескольких минут, которые так сильно поразили меня, что толком не остались в памяти.

Через несколько мгновений девушка бесшумно опускалась, пока не достигла дна проклятого озера, а я, сломя голову, неслась куда глаза глядят, не сразу придя в себя и осознав, что заблудилась. Всё это время в моей голове стоял лёгкие всплески воды и едва уловимый звон льда и снега.

Меня нашли только на следующий день. Из-за начавшейся гангрены мне пришлось отрезать часть ноги. А в себя пришла совсем не скоро...

Я одновременно находилась в своём сне, захватившем тело и наяву, чувствуя холод, тягучий отвратительный голод и слушая гипнотизирующий шум репродукторов:

– Тик-так... тик-так...

Комнату стала заполнять всепоглощающая тьма. Становилось много холоднее. Одновременно с этим появилась какая-то надежда... на избавление.

Я отчётливо ощутила чьё-то присутствие за дверью. На этот раз это были не какие-то белые снежные силуэты, нет. Это была их госпожа. От неё невозможно было укрыться: она настигала всех и повсюду.

Дверь со скрипом стала медленно отворяться. Из неё уже показались омерзительные гниющие пальцы. В нос тут же ударил жуткий смрад...

Детский вялый крик в миг вернул моё сознание в действи-

тельность. Я почувствовала, как моё тело задубело, пока я спала. И поняла, что Лиза сама сильно замёрзла.

Поднявшись на ноги, я долго согревала девочку своим теплом и дыханием. Но это практически не помогало. Тогда, снова завернув Лизу в тряпки, будто они могли помочь, начала выбираться из укрытия, намереваясь отыскать путь... домой?... – к печке.

Яркое солнце на голубом небе заливало полумёртвый город, отражаясь на застывших каплях воды, обрушивая на меня страшные воспоминания с новой силой и будто это издеваясь над несчастными жителями.

Но я должна была быть сильной. Ради Лизы.

Я устала осмотрелась, чтобы найти человека, у которого можно было узнать дорогу. Первым делом мне на глаза попало детское лицо бело-синего оттенка, выглядывающее из-под сугроба и смотревшее прямо мне в глаза. Взгляд неосознанно забегал по улице, против воли отмечая лежащие повсюду замёрзшие тела людей. Людей, у которых были свои семьи, свои мечты, свои надежды... Всё это забрали голод и холод, не оставляя ничего, даже жизнь. Для них это чудовищное время было последним, что они увидели и почувствовали.

Внезапно меня отвлекло от тягостных мыслей едва уловимое движение. Я перенесла взгляд на человека, идущего по улице. Вид его был измученным, а глаза безразличными, пока не ответили мне. Они моментально стали какими-то хищ-

ными. Мужчина улыбнулся, обнажив не зубы, а скрытые от лишних взглядов комья снега.

Я отшатнулась. Глаза снова пробежались по улице, но уже более внимательно. Мне стало худо: ледяных чудовищ в городе было уже больше, чем людей. Я закричала и попыталась убежать, осознавая полную бессмысленность своих последних действий.

– Держи её! – закричали сзади.

В панике и совершенно глупой надежде я упала на землю, стараясь помочь еледвигающимся ногам свободной рукой. Всю мою голову заняла только одна мысль: как можно быстрее оказаться как можно дальше отсюда.

Но через пару мгновений всё было кончено. Крепкие руки схватили меня сразу с двух сторон и подняли на ноги, не давая вырваться.

– Сержант, что вы делаете? – к нам подошёл ещё один военный, – Что случилось?

– Товарищ капитан, женщина увидела меня, закричала и давай дёру. Я подумал, может, украла чего?

Капитан строго посмотрел на него, но всё же протянул руки к свёртку, взяв его из моих рук. Я лишь замычала, от страха ничего не могла сказать.

– Испугали бедную женщину. Кажется, у вас, гражданка, шла кровь из носа, – обратился уже ко мне он, бегло осмотрев, – В больницу ходили?

Я снова замычала, выпучив глаза.

– Как вас зовут? – немножко подождал и, не получив ответа, задал следующий, – Ваш ребёнок?

И, несмотря на мои протесты, принялся его разворачивать. Его глаза резко расширились, лицо исказилось в отращении. Ослабив руки, капитан согнулся, выпуская свой скудный завтрак наружу.

Свёрток упал на землю, полностью оголив крохотное тельце. Вернее, его промерзшие остатки.

– Лиза! – державшие меня бойцы облегчили хватки, и я опустилась на колени, заливая улицу громким плачем. Прохожие остановились, поражённые увиденным. И только бесконечные звуки метронома безучастно озаряли улицы:

– Тик-так... тик-так...

И едва уловимый звон льда и снега незримо вливался в уши, диктуя свою страшную волю...